

в Могилёве: 427 лет. – Могилев, – 2004. – С. 63–66.

16. Пушкін, І. А. Магдэбургскія гарады Магілёўшчыны: традыцыі і сучаснасць // Актуальныя праблемы істочніковедення : матэрыялы IV Міжнароднай навучна-практычнай канферэнцыі к 420-летію даравання гораду Віцебску магдэбургскага права, Віцебск, 20–21 апреля 2017 г. / Віцеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов і М. Ф. Румянцова (отв. ред.) [і др.]. – Віцебск, 2017. – С. 359–361.

17. Сидоренко Б. И. Древний Могилёв: Очерки истории города в XIV–XVII вв. Минск, 1997. – 127 с.

18. Хроника белорусского города Могилева. – Москва, 1887. – 142 с.

19. Цітоў А. Вольныя беларускія месцы (самакіраванне ў нашых гарадох XIV–XVIII стст.). – Мінск, 1996. – 36 с.

20. Цітоў А. Гэральдыка Беларусі. – Мінск, 2007. – 128 с.

УДК 930.1:911.375.5

ФЕНОМЕН ГОРОДА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Ростовская Ольга Михайловна, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и социальных наук
ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: город, коллективная историческая индивидуальность, коллективная историческая память, городской ландшафт, место памяти.

Реферат. Данная статья призвана акцентировать внимание на философско-историческом и психоисторическом ракурсах интерпретации феномена города. Обозначены основные аспекты, исходные положения, применимые для исследования и постижения сущности города как конкретного исторического, социального, психологического образования.

Город – сложный, многозначный феномен, который является объектом сосредоточения индивидуальной и общественной жизнедеятельности; местом осуществления процессов социокультурной динамики; многогранным и чрезвычайно интересным предметом исследования для разных наук. Философ, историк, социолог, лингвист, этнограф, культуролог, искусствовед определяют для себя конкретный ракурс изучения определенной области и проблематики прошлого либо настоящего бытия города.

Цель данной работы – обозначить базовые аспекты исследования феномена города в философско-историческом и психоисторическом ракурсах.

Во-первых, город есть реальность, характеризующаяся организованностью

существования определенной социальной группы, которой присуще не только наличие единой среды проживания, но и специфики городской идентичности, а также реализация себя в роли создателя, носителя, хранителя и транслятора образов и понятий, общих для представителей городского социума, бытие которого обусловлено процессом социокультурного, коммуникативного, социально-экономического взаимодействия. Это позволяет интерпретировать город как коллективную реальность.

Во-вторых, всякий город, имея черты, единообразные для многих других городов, отличается своей индивидуальностью в том смысле, что сочетание его анатомических, физиологических и психологических признаков, пользуясь терминологией русского исследователя Н. П. Анциферова, уникально.

Под анатомией города подразумевается, прежде всего, его материальная оболочка, которая включает в себя место расположения города (почва, рельеф, климат, растительность и т. п.), план местности, первоначальное ядро и центр города, «мелкие ядра» и их взаимосвязи с окраинами, площади, улицы, сады, дома, водоемы и фонтаны, памятники и памятные доски, кладбища, вывески, «инвентарь» города: мосты, ворота, фонари, заборы и решетки, скамейки, ящики для мусора и писем [1, с. 18], то есть все материальные элементы городского организма.

Под физиологией города понимается его функционирование через деятельность общества, то есть социальный ландшафт [1, с. 83].

Психология города раскрывается через его целостный внешний облик, включая характер ландшафта, пейзаж, силуэт города, архитектурный стиль и многочисленные детали городского быта, исторические судьбы, воспоминания, художественные вкусы. Городские сады, водоемы, дома, бульвары, улицы и площади составляют городской пейзаж, и то, что определяется анатомическим, является и психологическим в контексте истолкования города в качестве индивидуальности.

Н. П. Анциферов соотносил примененное к городу понятие индивидуальности с тем, что он называл душой города. Душа города и есть индивидуальность как исторически сложившееся единство элементов, составляющих городской организм, совокупность его анатомических и физиологических признаков, «синтетический образ», сформированный отложениями разных исторических эпох. По мнению ученого даже самые «безличные», на первый взгляд, города имеют свои индивидуальные черты, свою особую индивидуальность, свое лицо [1, с. 21–29, 124].

Л. П. Карсавин в работе «Философия истории» понятие коллективной индивидуальности истолковывал как стяженное всеединство, познаваемое символически, через свои индивидуализации. В данном смысле, например, народ как коллективная индивидуальность есть стяженное всеединство, познаваемое посредством его индивидуализаций-личностей. Но именно в конкретной личности, которая есть момент всеединства и стяженное всеединство, обнаруживаются высшая индивидуальность и ее индивидуализация. Существование коллективной исторической индивидуальности мыслитель обосновывал фактом взаимодействия конкретных индивидов [2, с. 161–170]. Хотя он не писал о городе, данное понятие к нему как к социальной общности вполне применимо.

Н. А. Бердяев в отношении государства, общества, нации использовал термин «коллективная реальность». Исследуя вопрос о коллективных реальностях, он признавал их индивидуальностями, но никак не личностями ввиду отсутствия «экзистенциального центра», которым обладает лишь человеческая личность – существо социальное и космическое [3, с. 228].

Исходя из выше обозначенного, полагаем, что определение города в качестве коллективной индивидуальности может быть вполне оправданным.

В-третьих, город представляет собой индивидуальность не только коллективную, но также историческую. В данном случае историческое есть не просто соотнесенное с прошлым, но пребывающее в развитии. Город как коллективная историческая индивидуальность развивается и является субъектом исторического процесса. В контексте его социальной реальности могут происходить события национально-исторического, регионального и/или глобального масштаба и общекультурной значимости.

В-четвертых, стоит отметить, что город, являясь субъектом истории, как коллективная историческая индивидуальность, предстает и субъектом коллективной исторической памяти, которая есть совокупность фигур памяти, единых для определенной социальной общности (в данном случае городской) и включенных в контекст индивидуальной памяти ее членов в биографическом и обосновывающем модусах воспоминания [4, с. 35]. Здесь термин «фигуры памяти» используется в значении, близком к «фигурам воспоминания» Я. Ассмана, под которыми исследователем понималась комбинация понятий и данностей опыта, воссозданных и отнесенных к конкретному времени, пространству и группе [5, с. 39]; первый модус соотносится с экзистенциальным историческим опытом и обусловлен переживаниями, а второй модус – со знаниями о прошлом и настоящем, приобретенными в процессе изучения истории.

В-пятых, укажем на то, что город, являясь субъектом коллективной исторической памяти, также выступает в качестве места индивидуальных воспоминаний и коллективной памяти, представляя собой освоенное пространство, заполненное культурными формами – продуктами исторического развития городского социума, индивидуального и коллективного сознания и жизнедеятельности, определенным образом организующими городское пространство, которые помнятся, то есть становятся мнемическими объектами. Не только элементы культурного и социального ландшафта, но и город как продукт социальной динамики и коллективная историческая индивидуальность выполняют роль мнемического объекта.

Познание города, интерпретируемого как мнемический объект или место индивидуальной и коллективной памяти, включает два гносеологических уровня. Первый – экзистенциальный уровень освоения города, запечатления и воссоздания его в памяти. Второй – уровень изучения города и познания городской исторической памяти, то есть нарративный.

Восприятие города индивидуально, и здесь границу выстраивает, прежде всего, модус воспоминания-переживания, то есть модус биографической памяти. Город как

протяженная историчность, воплощенная в культурных формах, воспринимается, представляется, вспоминается через призму экзистенции, поэтому его культурная историчность, его прошлое становится актуальным постольку, поскольку надындивидуальное проявляется в индивидуальном измерении. Однако, хотя восприятие города, его образ и воспоминание о нем субъективны, они детерминированы социальными рамками. Это подтверждает и факт экстерииоризации образов города в понятиях: образ обретает лингвистическую форму – это значит, что он приобретает конвенциональный характер, как бы легитимируется в коллективном поле, подчиняясь воле социальной общности. В связи с этим особую значимость приобретают имена. Прежде всего, это имя самого города, а также имена людей и названия тех многочисленных культурных форм, которые, составляя единое целое, заполняют городской ландшафт.

Если первый уровень содействует формированию т. н. «чувства прошлого» и представления о городе, то второй – знанию об истории города. Только в комплексе, во взаимосвязи обоих уровней возможно постижение феномена города.

Все обозначенные выше аспекты интерпретации феномена города – как коллективной реальности, коллективной исторической индивидуальности, мнемического исторического субъекта и места памяти – взаимодополняют друг друга, создавая основу его философско-исторического и психоисторического исследования.

Список используемых источников:

1. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 150 с.
2. Карсавин, Л. Философия истории / Л. Карсавин. – М. : АСТ : Хранитель, 2007. – 510 с.
3. Бердяев, Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-press, 1949. – 377 с.
4. Ростовская, О. М. Феномен городской памяти: социально-философский анализ / О. М. Ростовская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2019. – Т. 64, № 1. – С. 33–40.
5. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.